

Влас Михайлович Дорошевич

За ночь

Влас Михайлович Дорошевич

За ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22122170

Аннотация

«Иван Петрович, отставной полковник...

Рождественские рассказчики всегда отставные полковники.

И большой добряк, потому что все рождественские рассказчики всегда бывают Иванами Петровичами, отставными полковниками и большими добряками...»

Влас Дорошевич

За ночь

Иван Петрович, отставной полковник....

Рождественские рассказчики всегда отставные полковники.

И большой добряк, потому что все рождественские рассказчики всегда бывают Иванами Петровичами, отставными полковниками и большими добряками.

Иван Петрович, отставной полковник и большой добряк, закурил, как и все рождественские рассказчики, толстейшую папиросу и воскликнул:

– Чтоб чёрт меня взял, если я когда-нибудь забуду эту ночь! При воспоминании о ней до сих пор у меня мороз подирает по коже. Это было как раз в ночь под Рождество!

Мы, как и все рождественские слушатели, придвинулись поближе к столу.

– Я ехал, чёрт меня знает зачем, по железной дороге. За окном выла вьюга. На сердце скребли кошки. Мы двигались, сорок паровозов и одна шпала им в бок, со скоростью черепахи, ползущей вверх по зеркалу. Вы понимаете? Нас было двое в вагоне: я и какой-то молчаливый пассажир с таким сосредоточенным видом, словно он ехал на собственные похороны. От скуки я задремал. Чёрт меня знает, сколько времени я спал, но только, когда проснулся, было тихо, как в моги-

ле. Мы не двигались. «Станция?» Я взглянул в окно. Сплошная белая стена снегу, вплотную прилипшая к стеклу. Я кинулся к двери, пробуя отворить. Не тут-то было! Дверь занесена снегом. Мы погребены в сугробе вдвоём с моим спутником. Я оглянулся на него. Он теперь имел беспечный вид человека, который отлично знает, что через пять минут поезд двинется дальше. Это меня даже взорвало.

– Занос! – крикнул я.

– Да, занос! – преспокойно ответил он. – Что ж из этого?

– Но ведь можно погибнуть в этом дьявольском ящике под сугробом снега.

– Не думаю. Недели через две нас отроют!

– Но ведь мы до тех пор умрём с голоду!

Он преспокойно отвечал:

– Нет. По крайней мере, что касается до меня. Когда мне станет невтерпёж, я вас съем. Только и всего!

– То есть как?

– Для меня это совершенно привычное дело. Я людоед.

У меня мурашки забегали где-то около затылка; однако, я имел ещё достаточно мужества, чтобы заметить:

– Уверять человека, в сугробе снега, что вы его съедите, – такие шутки неуместны, милостивый государь!

– Да я вовсе и не думаю шутить. Впрочем, вы сами увидите, что я говорю совершенно серьёзно. Я вас съем.

И он даже облизнулся, глядя на меня.

– Вы совершенно напрасно оглядываетесь кругом, – тут

нет ровно ничего, чем бы вы могли защищаться. Тогда как у меня вот револьвер, вот кинжал, а в чемодане топор, чтоб распластать вас на части. Если угодно, я покажу вам даже вертел, на котором вы будете зажарены. Мы, людоеды, народ запасливый и всегда возим с собой всё необходимое для вашего брата: никогда заранее не знаешь, где придётся полакомиться. – Он даже пристукнул зубами от удовольствия.

– Мне кажется, вы будете недурны на вкус. Сначала я съем у вас почки. Признаться, давно не ел почек. А между тем, что может быть приятнее почек на вертеле? Не правда ли? Откровенно говоря, я чувствовал, как у меня заныла правая почка.

Но каналья только расхохотался:

– Ах, да! Я и забыл, что вы не занимаетесь людоедством. А жаль! Вкусно, очень вкусно. Воображаю, как у вас, наверное, будут хрустеть хрящики около рёбрышек!

У меня закололо в грудной клетке.

– Впрочем, бросим, чёрт возьми, этот разговор. А то у меня разыгрывается аппетит. Я могу начать есть сейчас же, и тогда мне вас не хватит на две недели.

Он принялся копать в чемодане, достал оттуда соль, перец, горчицу и ласково поглядел на меня:

– Всё для вас!

Затем достал тарелку и начал перетирать нож и вилку.

Я боялся на самом деле раззадорить его аппетит; однако, чёрт возьми, нужно же было узнать, что он, чёрт его возьми,

шутит или серьёзно собирается меня есть?

Я старался говорить как можно вежливее.

– Где же вы приобрели... такую странную замашку?

– Есть вашего брата? У дагомейского короля Беганзина, милейший. У него. Отличная кухня.

– Как же...

– Как я туда попал? Уберите ваши ноги, почтеннейшее блюдо! Ваши ноги мешают мне рассказывать.

– Ноги?

– Ну, да, ноги! Глядя на ваши ноги, мне ужасно хочется ножек фри. Не раздражайте во мне аппетита вашими ногами, чёрт возьми! Неужели вы не понимаете, что нельзя людоеду показывать ноги? Есть у вас мозги?

– Есть...

– Да не говорите же мне, чёрт возьми, что у вас есть мозги. Иначе я сейчас же разобью вам голову, как рождественскому поросёнку, и съем мозги.

Я сел по-турецки, свернув ноги калачиком, и надел на голову шапку, чтоб не раздражать его аппетита.

– Вот так! Вы хотите знать, почему я попал к королю Беганзину? А чёрт меня знает, почему я туда попал. Просто потому, что я был женат. Достаточная причина для того, чтоб попасть даже чёрту на рога! Мне нужно было бежать хоть на край света, и потому я бежал в Дагомею, где тогда происходила война. После двух лет супружеской жизни драться было самым подходящим для меня занятием. У нас почему-то

не принято колотить женщин. А это был единственный уголок в мире, где я мог колотить женщин и получать за это даже одобрение. Короче, я отправился сражаться с амазонками короля дагомейского. Я бил их, как лев, – нет, как муж, который разъярён двухлетней супружеской жизнью. Через две недели я получил во вражеском стане имя «Бешеного мужа», а через три – был взят в плен. Сам знаменитый «Бешеный муж»! Я был почётным пленником, и меня решено было подать к королевскому столу на празднике, который король Беганзин давал по случаю своего 366-го развода с 366-ой женой. Там развод делается очень просто: король съедает ту из жён, которая ему больше понравилась, и затем съедает жареного пленника по случаю благополучного развода! Я проводил своё время в обществе двух амазонок, которые стерегли меня неотлучно. Меня кормили, действительно, на убой, а мои стражницы поддерживали моё расположение духа тем, что без умолку рассказывали, как меня будут жарить. В конце концов я стал здоров как бык, и мне до такой степени надоело слушать эти однообразные разговоры, что я сказал себе: «Чёрт возьми, а не съесть ли мне их самих? Полакомиться на чужой счёт – всегда выгоднее!» Сказано – сделано. Однажды, когда мои амазонки до того заспорили между собой, как меня лучше приготовить, в сухарях или с морковью, что побросали даже оружие, я схватил огромную острую саблю. Раз, раз! Я тут же съел их мозги, а почки захватил с собою, чтоб не погибнуть с голоду в пустыне, и бежал, Через два

дня я снова был во французском лагере. Но, чёрт возьми, в мои планы вовсе не входило во второй раз попасться в плен к королю Беганзину! Не у всякой амазонки такие мозги, что годятся только на то, чтоб их съели. Я выбрал одного из офицеров, который только что получил деньги из дома, съел его, взял деньги и ушёл. Нас обоих сочли попавшими в плен к королю Беганзину, и таким образом, я преспокойно мог вернуться домой, ровно ничем не рискуя, так как у меня теперь было отличное средство против жены.

У меня шевелились волосы.

– Как?.. Вы её...

– Съел! Превкусная, бестия! Верите ли, съел её даже с косточками. Таким образом, все следы преступления были скрыты. Все сочли, что она сбежала, меня пожалели, и через несколько времени я женился на другой, настоящем ангеле, которую я, впрочем, тоже не замедлил съесть, потому что встретил третью, которая была ещё более похожа на ангела, чем она. С тех пор я получил страсть к людоедству и ем людей вот уж пятнадцать лет, – не показывайте мне ваших рук, чёрт вас возьми.

Он облизнулся, глядя на мои руки.

Я надел перчатки.

– Благодаря людоедству, я сделал даже отличную карьеру.

– Благодаря людоед...

– Не раскрывайте так широко рот. Я вижу ваш язык!.. Да-с, сделал карьеру! Это очень просто. Когда мне хотелось по-

вышения, я заманивал товарища, чьё место хотел получить, к себе в гости и съедал его. Таким образом, освобождалась вакансия. Его искали, искали, – конечно, не находили, считали пропавшим без вести, и место получал я.

– И много...

– Я сделал хорошую карьеру. Достаточно вам сказать, что, пока я делал карьеру, из нашего отделения пропало три столоначальника, два экзекутора, один начальник отделения и один писец. Впрочем, последнего я съел не для карьеры, а просто потому, что он скверно писал. Теперь мне хочется перевестись в N-ск, и я еду туда. Думаю съесть начальника департамента. И вдруг этакая неприятная задержка! Впрочем, – добавил он, облизнувшись, – вы скрасите моё одиночество. Вы мне, чёрт возьми, нравитесь, и ради вашего приятного общества я готов даже потерпеть голод... Я съем вас только тогда, когда мне будет невтерпёж! Но пока вы должны рассказывать мне смешные анекдоты.

Вы понимаете моё положение?!

Вдвоём с людоедом, который перетирает тарелки и делает из уксуса, масла и горчицы провансаль, говоря:

– Это к голове!

Я забился в угол вагона и два дня не смыкал глаз, глядя на его приготовления.

И в это время я ещё должен был ему рассказывать смешные истории, чтоб он непременно держался за бока от хохота.

– Иначе, – говорит, – вы понимаете, мой милый, на черта мне ваше общество?!

Так прошло двое суток, на третьи...

Мы ещё ближе придвинулись к столу:

– Ну, и что же?

Полковник оглянул нас презрительным взглядом, в котором можно было прочесть: «Эх, вы, щенята!» и, глубоко вздохнув, закончил свой рассказ:

– Голод не тётка!.. На третий день он меня съел!